

Птица

Сергей Афонин

Рисунки Екатерины Лебедевой

После пересечения мною Бискайского залива все, наверное, ждут рассказов о китах и дельфинах, погоде, волнах и подобных вещах. Все это было. Но я хочу рассказать историю, которая случилась во время этого перехода, сильно тронула меня и не отпускала долгое время...

Шел второй день в Бискае, не из лучших, но в общем-то не такой уж и плохой. Все вокруг было темно-серым: и небо, и океан. Попутный ветер споро гнал яхту вперед под одним лишь стакселем, а волны без усталости валяли ее с борта на борт. К тому же шел нескончаемый дождь, и чтобы он не заливал маленькую каюту, и без того сырую в этот день, приходилось держать ее закрытой. Выбор места у меня был невелик: либо мокнуть в кокпите, если того требовала обстановка, либо сидеть в закрытой каюте, если все было

нормально. Чтобы выкурить трубку и, как положено, обозреть море вокруг, приходилось вставить в дверном проеме и довольствоваться сдвинутым люком и откинутой частью брандершита.

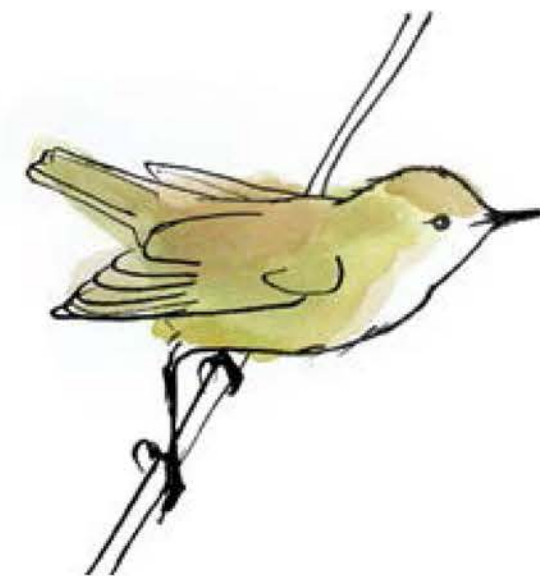
В очередной раз, заняв это место для наблюдения, я осмотрелся вокруг и стал наблюдать за кильватерным следом, причудливую траекторию которого беспрестанно чертил среди волн мой автопилот. И тут в кокпите появилась птичка. Меньше воробья, птица. Она чуть ли не свалилась откуда-то сверху и замерла, вцепившись маленькими лапками в какую-то снасть.

Я удивленно смотрел на нее, ведь до ближайшего берега — п-ва Бретань — было более ста миль.

«Ты откуда свалился?! Поспорил с кем или топиться полетел?» — почему-то я сразу решил, что передо мной представитель мужского пола. Самочки обычно не склонны к авантюрам.

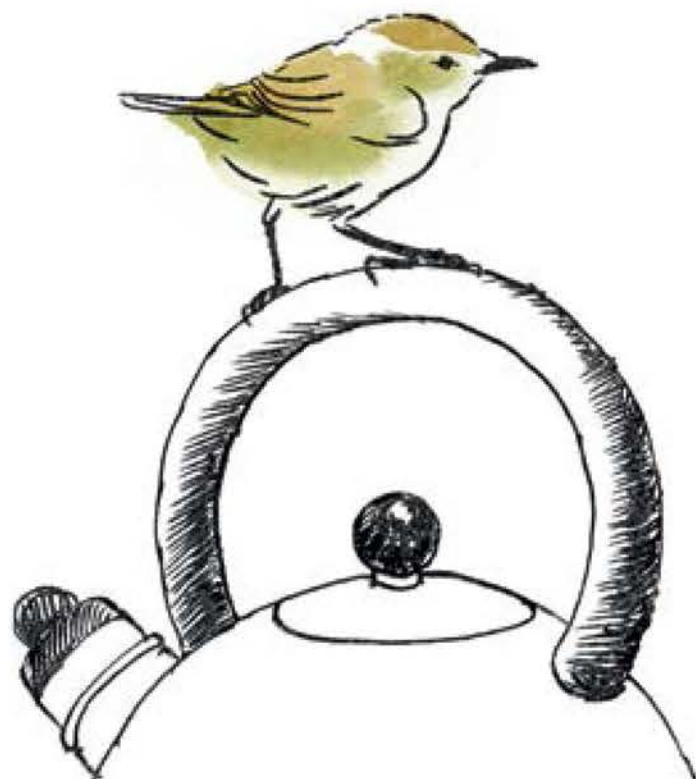
С одной стороны, в его появлении не было чего-то уж совсем странного: любой яхтсмен расскажет не одну историю о том, как на яхту во время плавания залетали птицы. Голуби, синицы, даже совы оказываются вдали от берега и ищут временного пристанища для отдыха.

Но тут — пичуга с тоненьким задорным клювом, явно из лесных или полевых. Так откуда? Наверное, из Бретани. Француз, точно француз!

Птичка тем временем несколько ожила и стала осваиваться. Ей не сразу удалось приноровиться к сильной качке, и было видно, что удобного места для себя она найти не может. Все было мокрым, дергалось и качалось. В это время с ней чуть было не случилась беда: она уселась на тросик авторулевого и едва не угодила на нем в блок. «Осторожнее, так и лапку можно потерять! Вон, перебирайся в каюту!» Я освободил проход, не закрывая за собой люка. Капли дождя приняли мое приглашение на свой счет, но, к удивлению, скоро в каюту заперхнула и моя птица.

На то, что я задрался, прореагировала спокойно и стала искать комфортное для себя место внутри. Сетки с фруктами, висящие вдоль стенок каюты, ей не понравились тем, что, раскачиваясь, ударялись о них. Буртик маленького камбузного стола подошел лучше; подошла и полочка с высоким ограждением, на которой лежала всякая мелочь. Но больше всего ей приглянулась плита на кардановом подвесе, давшая наконец-то надежное пристанище на этой нескончаемой качке.

«М-да, кажется, ты меня без горячего оставишь», — прокомментировал я ее выбор.

По всему было видно, что птица устала. Стоило ей посидеть чуть подольше, как глазки ее закатывались, и она явно впадала в дрему.

«Может, пить хочешь?» Птица благодарно ткнулась клювиком в каплю воды, повисшую на моем пальце. «А вот как тебя кормить? Ты же, судя по всему, мухами питаешься, а у меня тут их нет... Эх, помрешь ты с голодухи, я слышал, маленьким нужно постоянно есть...» Я был озадачен.

«Ишь как тебя измотало. Что делать-то с тобой будем? — разглядывал я ее и рассуждал вслух. — Смотри, что можно предпринять: тут недалеко рекомендованный для судов курс, там большие пароходы ходят. Я возьму к ним поближе, а ты утром перелетишь на какой-нибудь. Они быстро идут: или домой вернешься, или в Испанию приедешь... Да и с мухами на них, наверное, получше».

Смеркалось. Птица уместилась на плите рядом с чайником, нахохлилась и, сунув голову под крыло, заснула. Я смотрел на этот пушистый шарик, и так мне ее было жаль...

Сидя на диванчике, я и сам задремал, сложив руки в замок. Через какое-то время почувствовал, как моего пальца коснулись теплые лапки. Это неожиданное тепло особенно тронуло меня. «Замерзла? — пробормотал я. — Ну, грейся, грейся...»

Птица то засыпала, то просыпалась. Посидела у меня на плече, на голове, покрытой теплой шерстяной шапочкой. Она совсем меня не боялась. Я был тронут этим доверием.

Наступила ночь. Я устроился в кокпите, оставив приоткрытым брандерцит, — дождь прекратился. Дул сильный холодный ветер. Вдруг я снова почувствовал на своей руке невесомое тепло: моя птица выпорхнула из каюты и уселась на нее. Защищая птичку от холодного ветра, я накрыл ее другой рукой, и она, чуть повозившись, замерла в тесной, но теплой сфере моих ладоней. Пригревшись, она явно заснула, а я глядел по сторонам и бережно охранял ее сон. Прошло немного времени, и птица моя зашевелилась. Я поднес ее ко входу

в каюту, думая, что она привычно впорхнет туда, но она промелькнула перед моим лицом невесомой тенью и скрылась в черноте ночи.

«Куда ты, вернись!..» Вокруг по-прежнему не было ни огонька...

Да, эта история сильно тронула меня. Я был уверен, что мой невольный попутчик погиб. В Ла-Корунье я встретил знакомых, которые много лет путешествуют на яхте по Европе и Бискай пересекали неоднократно. Рассказывая о своем переходе, я поведал им эту грустную историю.

«Думаешь, погибла?» — спросили они меня. Я печально кивнул головой. «Смотри, такая?» — на экране смартфона замелькали фотографии моей попутчицы. «Да, она! К вам тоже залетала?!» «Постоянно. Это пеничка. В здешних местах они запросто перелетают с судна на судно и так путешествуют. К югу пробираются. Так что не переживай, отдохнула у тебя и дальше отправилась».

Что ж, может, и так, во всяком случае, я очень на это надеюсь. 🛩

